

КТО ЗАЩИЩАЛ И КТО РАЗРУШИЛ СУХАРЕВУ БАШНЮ?

*Розалии, Леонарду Крузе:
In memoriam*

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Пушкин

История разрушения знаменитой Сухаревой башни в Москве обросла немалым количеством легенд, изобилует неясностями и недоговоренностями, несмотря на то, что этот акт террора в области культуры, внутренне родственный с распродажами коллекций Эрмитажа и не оправдываемый в условиях 30-х годов, ввиду светского характера сооружения, необходимостью борьбы против "религиозного мракобесия", отделяет от нашего времени немногим более полувека. Не внесла уточнений в этот вопрос и в целом содержательная статья Ю.Н. Жукова "Москва: Генпланы 1918-1935 годов и судьбы памятников архитектуры"¹. Снос башни осенью 1934 года предстает здесь следствием совещания в Кремле 14 июня 1934 года, во время которого Сталин одобрил план реконструкции Москвы, представленный В. Н. Семеновым и предусматривавший расчистку Садового кольца: "План подчинил себе, интересам своих создателей судьбы памятников истории и культуры"².

Подобная трактовка событий затушевывает как личную ответственность Сталина за конкретную акцию разрушения, так и ее идеологический смысл. Еще в большей степени, чем Петр Великий или Николай I, Сталин осуществлял режим "личного управления" государством. Надо думать, что вопросы реконструкции столицы не составляли здесь исключения. Утверждения о том, что такие сооружения, определявшие облик Москвы, как храм Христа Спасителя, Сухарева башня и другие, могли быть снесены по решению Л. М. Кагановича (в 1930-1932 годах первого секретаря Московского комитета партии) и что их судьба вообще могла зависеть от московского руководства, не более чем спекуляция определенных кругов, использующих недоступность архивных документов для создания весьма специфических мифов.

Свою лепту в мифотворчество вносят и некоторые "антиподы" названных кругов, в превратном свете подающие попытки спасти Сухареву башню. В изложении Андрея Вознесенского главным эпизодом в этой борьбе было обращение "одного из подвижников нашей отечественной реставрации" Л. А. Давида, "тогда ученика архитектурной мастерской", к Горькому, а затем Ягоде: "Взрослые боялись вступить за башню в грозное время и послали его, подростка. Он поехал в шехтелевский изразцовый особняк к Горькому. Горький принял его, обеспокоился и дал телефон важнейшего ведомственного лица с наводящей ужас фамилией. "Спасти башню не в моих силах,- ответило лицо юноше. - Но я дам вам недельную отсрочку, чтобы можно было спасти архитектурные детали"³.

Я не подвергаю сомнению сам факт попытки Л. А. Давида вмешаться в судьбу Сухаревой башни, но в целом нарисованная А. Вознесенским картина требует существенных поправок⁴.

С 1954 года мне известен подлинный документ, свидетельствующий о том, что пытались спасти башню не только "подростки", но и "взрослые", и обращались они при этом не к Ягоде, а повыше. В архиве известного искусствоведа и литератора А. М. Эфроса (в настоящее время - в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) сохранилось письмо И. В. Сталина в ответ на обращение группы деятелей культуры с просьбой отменить решение об уничтожении Сухаревой башни. Письмо было отправлено в конверте с грифами "Секретариат Центрального комитета ВКП(б)" и "Строго секретно/С нарочным" на адрес А. В. Щусева (Гагаринский

пер., д. № 25). Текст, напечатанный на машинке и скрепленный собственноручной подписью Сталина, гласит:

*"Тт. Щусеву, Эфросу, Жолтовскому и другим.
Письмо с предложением - не разрушать Сухареву башню получил.
Решение о разрушении башни было принято в свое время Правительством.
Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют
создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного
творчества, чем Сухарева башня. Жалею, что, несмотря на все мое уважение
к вам, не имею возможности в данном случае оказать вам услугу.
Уважающий вас И. Сталин. 22. IV. 34 г."*

О чем свидетельствует письмо? Во-первых, о том, что решение о сносе башни было принято еще до совещания 14 июня 1934 года на уровне правительства (а не московского руководства). Во-вторых, главным доводом в пользу уничтожения башни выдвигается не необходимость расширения Садового кольца (защитники башни предлагали создать площадь вокруг нее, как В. А. Шуко, и иные способы решения транспортной проблемы), а прямо не высказываемая, но подразумеваемая "допотопность", "доморощенность", "провинциальность" этого сооружения (которое и жалеть-то нечего, ибо советские люди с лихвой возместят этот сомнительный ущерб, как мировая революция вернет назад уплывших за океан Рафаэлей, Тицианов, Рембрандтов). В-третьих, за внешней почтительностью к адресатам письма проглядывает явное презрение к миру их ценностей, напоминание о том, что ни одна из святынь не будет пощажена, если это будет сочтено необходимым. После такого письма (а о личном отказе Сталина, надо думать, узнали все заинтересованные "взрослые") посылать "подростка" к Горькому и Ягоде было бессмысленно.

Возникает вопрос, почему письмо, направленное секретариатом ЦК ВКП(б) А. В. Щусеву, было передано последним А. М. Эфросу. Скорее всего, потому, что именно он, видимо, составил текст обращения к Сталину, под которым подписались А. В. Щусев, И. В. Жолтовский, он сам и другие, не названные в ответе Сталина лица. В пользу такого предположения говорит тот факт, что А. М. Эфросу уже приходилось выступать в качестве инициатора коллективных заявлений деятелей искусства. Так, в 1916 году им был составлен текст "Заявления художников и деятелей искусства" (газета "Утро России", № 35), в котором от имени Н. Крымова, М. Сарьяна, К. Юона, Ф. Шехтеля, К. Богаевского и других выражался протест против наветов на деятельность И. Э. Грабаря в качестве попечителя Третьяковской галереи. Черновик этого документа сохранился в архиве Эфроса. Черновика письма к Сталину в нем, к великому сожалению, нет. Возможно, вместе со значительной частью бумаг Эфроса он был изъят при его аресте в 1937 году, и знакомство с ним, как и с окончательным текстом письма к Сталину, нам еще предстоит. "Когда падут Бастилии архивов...", как сказано в не предназначавшемся для печати стихотворении Эфроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горизонт. - М., 1988. - 4. - С. 32-44.

² То же. - С. 43.

³ Вознесенский А. Башня-всадница. - В кн.: Вознесенский А. 10. 9, 8, 7. - М., 1987. - С. 20.

⁴ Как статья о Сухаревой башне, так и книжка, куда она входит, вообще грешат ошибками и небрежностями. Неловко как-то слышать от архитектора по образованию, что особняк князя Гагарина на Новинском бульваре был уничтожен одновременно с Сухаревой башней (в действительности погиб во время налета германской авиации в 1941 году), а от пропагандиста творчества Шагала - утверждение, что на родине художника не вышло "достойной" монографии мастера (именно на родине в 1918 году была издана первая и весьма "достойная" монография Тугендхольда и Эфроса, имена которых искажены Вознесенским почти до неузнаваемости);

<http://michaeltolmachev.ru/>

немецкий перевод этой монографии оставался основным источником сведений о художнике вплоть до послевоенного времени).